

Гонки за будущим: ...и вот наступило потом¹

Ключевые слова: образование в XXI в., эффекты прогнозирования как конструирования будущего, образ будущего, адаптивные модели практики образования.

В России, как во многих других странах мира, обострился особый процесс – процесс гонок за будущим. И чем больше я вглядываюсь в различные прогнозы будущего, в том числе прогнозы образования XXI в., тем чаще вспоминаю парадоксальное название недавно вышедшей книги известного мультипликатора Гарри Бардина «И вот наступило потом...».

Любые прогнозы, как и пророчества, – занятие не только привлекательное, но и рискованное. Неслучайно провидцев и очевидцев, как поется в песне Владимира Высоцкого, «во все века сжигали на кострах». Прогнозирование будущего весьма рискованно и потому, что при всей непредсказуемости будущего именно в силу этой непредсказуемости срабатывает эффект *самосбывающихся пророчеств*: утопии и манифесты чаще перерождаются в империи и тоталитарные режимы, а не в светлые города Солнца. Данный эффект – лишь один из эффектов *прогнозирования как конструирования будущего*, без учета которого любые «объективные прогнозы» могут рассыпаться, как карточный домик.

Другой эффект, который также, на мой взгляд, необходимо удерживать в фоку-

се внимания в ходе гонки за будущим, – это эффект психологии восприятия, известный как «борьба полей зрения». Когда смотришь на Россию образа 2017 г. и строишь прогнозы будущего, необходимо осознавать, что историческое восприятие страны подвластно эффекту борьбы полей зрения: один глаз видит пятно, например, коричневого цвета, а другой – синего цвета. И возникает то один образ восприятия, то другой – соперничая друг с другом, накладываясь друг на друга.

В восприятии России 2017 г. конкурируют между собой как минимум два образа будущего, несущие разные исторические установки. Первый из них емко передается известной идеологической триадой министра просвещения Российской империи графа Уварова: «Православие. Самодержавие. Народность». Другой образ триады – «Свобода. Равенство. Братство» – ассоциируется с временами Великой французской революции XVIII в. За каждой из этих триад – разных знаков конкурирующих образов конструирования будущего – своя правда, свои лидеры изменений и свои незавершаемые перемешанные проекты будущего России. Без понимания этих разновекторных установок

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 16-06-00764.

любые футурологические программы будущего, носящие преимущественно *технологический* характер, останутся благими пожеланиями, вступающими в диссонанс с ожиданиями и мотивационными установками разных социальных и возрастных слоев населения страны.

Сказанное относится не только к России. На наших глазах одна за другой набирают силу самые разные программы и стратегии, пытающиеся дать свои ответы на вызовы неопределенности, сложности и разнообразия «текущей» эпохи перемен. Среди нынешней ярмарки прогнозов будущего, гонки проектов различных образов XXI в. – «Образа Человека», «Образа Разума», «Образа когнитивной революции», «Образа образования», образов технологической и промышленной революций – метафора «неизбежности *странного* мира» наиболее емко передает смысл каскада происходящих в мире перемен.

Во всех этих образах будущего, «историях завтра» (см., например: Харари, 2016; Harari, 2016; Курцвейл, 2015; Шваб, 2017; Ласло, 2004; Фейдл, Бялик, Триллин, 2016; Ассман, 2017) преобладают апокалипсические интонации, касающиеся перспектив человека и человечества. Будущее образования, сулящего успешную адаптацию к меняющемуся миру, связывается с оснащением «человека будущего» набором ключевых навыков и компетенций XXI в., включая навыки креативности. Будущее разума в эпоху сингулярности (Курцвейл, 2015) – с адаптивной эволюции моделей искусственного разума. При этом не исключается, что подобно тому, как в средневековой Великобритании «овцы съели людей», гибкие алгоритмы, платформы потеснят человека, превратив его в представителя «беспольного класса», уходящую натуру эволюции.

При всем разноцветии картин будущего, «повесток действий» с временными горизонтами от 5 до 100 лет их объединяет ряд общих особенностей. Во-первых, за разноликими моделями будущего проступает *синдром диссонанса современника*, который перманентно не успевает за бегущим днем, находится не в ладу со временем и самим собой (Асмолов, 2015). Во-вторых, вызовы «странного» мира – вызовы неопреде-

В восприятии России 2017 г. конкурируют между собой как минимум два образа будущего, несущие разные исторические установки. Первый из них емко передается известной идеологической триадой министра просвещения Российской империи графа Уварова: «Православие. Самодержавие. Народность». Другой образ триады – «Свобода. Равенство. Братство» – ассоциируется с временами Великой французской революции XVIII в. За каждой из этих триад – своя правда, свои лидеры изменений и свои незавершаемые перемешанные проекты будущего России.

ленности, сложности, разнообразия – чаще всего интерпретируются как деструктивные вызовы «беспорядка», «хаоса», «шока будущего» (Э. Тоффлер), препятствующие адаптации человека и человечества к изменениям среды, а также адаптации других биологических видов в текучих мирах экологических, техногенных, социальных и психологических трансформаций. В результате спровоцированный потоком деятельностей (и сознания) человечества рост темпов эволюции, утрата ею постепенности оборачивается нарастанием тенденций регресса, архаики, «бегством от свободы» (Э. Фромм), страхами перед неопределенностью и непредсказуемостью настоящего и будущего. В-третьих, прогнозирование будущего осуществляется на фоне происходящих технологических, промышленных и когнитивных революций, изменяющих образы жизни и образы мира человечества (см., например: Курцвейл, 2015; Шваб, 2017; Харари, 2016). В результате этих революций «шок будущего», о котором на границе XXI в. предупреждал футуролог Э. Тоффлер, становится «шоком настоящего», *а время перемен – нормой современной жизни.*

В условиях растущей нестабильности человечество сталкивается с задачей выработки эффективной «повестки действий» в изменившейся глобальной ситуации и, особо подчеркнем, через оптику рациональности и экономической сообразности ищет пути реагирования экономического субъекта социальных систем на различные изменения, кодируемые как переход от SPOD-мира (англ. Steady – устойчивый; Predictable

– предсказуемый; Ordinary – простой; Definite – определенный) к VUCA-миру (Volatility – изменчивость, неустойчивость, нестабильность; Uncertainty – неопределенность; Complexity – сложность; Ambiguity – двусмысленность, неоднозначность, амбивалентность). Противоречивый VUCA-мир приводит к появлению адаптивных футурологических концепций, в которых упование на наращивание адаптивного потенциала личности XXI в. за счет расширения репертуара так называемых компетентностей и навыков XXI в., в том числе навыка креативности¹, сочетается с осознанием необходимости подбора для успеха в бизнесе людей, обладающих *толерантностью к неопределенности*. Настоящий, а не только грядущий мир VUCA становится также и драйвом пересмотра практики различных адаптивных моделей практики образования в разных странах мира, стимулом для преодоления системного кризиса образования с помощью перехода от парадигмы *обучения знаниям, умениям, навыкам – к школе неопределенности и парадигме вариативного мотивирующего развивающего образования* (см., например: Асмолов, 2015; Фейдл, Бялик, Триллин, 2016).

На фоне этих событий за последние десятилетия в России было осуществлено несколько масштабных попыток «реформирования образования сверху», без критической рефлексии которых любой новый управленческий проект прогнозирования будущего системы образования как потенциального ресурса позитивных сдвигов в экономической жизни страны имеет мало шансов на успех. В контексте образовательной политики сегодняшнего дня, мобилизации социальных сил на архаизацию, устремления на уровне некоторых представителей управленческих элит к закрытым моделям образования великой державы и т.п. риски восприятия новых проектов реформирования образования и проектов будущего резко возрастают.

В связи с этим считаю необходимым при позитивном восприятии замыслов различных футурологов образования

приступить к очередному витку «модернизации образования сверху» обозначить некоторые явные риски социального восприятия и последующих результатов этих проектов реализации по гамбургскому счету.

1. Любые предшествующие попытки модернизации образования наталкивались на следующие барьеры:

- игнорирование ожиданий и мотивации населения при проведении социальных реформ;

- доминирование технократических (технологических, организационно-экономических) моделей модернизации, выносящих за скобки социально-экономические и психологические эффекты образования (образование как фактор социальной стратификации, социальная мобильность, социальная консолидация (или сегрегация) населения, образы будущего новых поколений подростков и молодежи, формирование культурной идентичности и т.п.);

- сведение политики реформирования образования к ведомственным программам отдельной отрасли, игнорирующей специфику образования в открытом сетевом обществе, утрату монополии образования как института социализации по сравнению с другими институтами социализации, особенно в условиях информационной социализации и последствий цифрового разрыва между поколениями;

- риск превращения образования в «козла отпущения» за любые проявления социальной напряженности на фоне увеличивающегося социального расслоения общества, обострения ксенофобии, этнофобии, либералобии, охоты на ведьм, роста рядов сторонников «особого пути» страны и оппонентов любых «инноваций».

2. Риск сведения сценариев развития образования к адаптивным компенсаторным сценариям технологического апгрейда уже нынешней системы образования, превращающих разные «перспективные модели образования – 2018–2024; 2018–2030 и т.п.» в ретроспективные модели еще до обсуждения и принятия новой модели. Технологические апгрейды образования напоминают

¹ См., например, популярную книгу американского бизнес-консультанта Стивена Кови (2012) о развитии личности, основанную преимущественно на принципах гуманистической психологии. Оригинал: Covey S.R. *The 7 Habits of Highly Effective People: Restoring the Character Ethic*. Free Press, 1989.

мне попытки превращения с помощью апгрейда «Запорожца» в «Мерседес».

Об этом риске скажу особо. Четко понимаю, что в самих сценариях «повестки действий», отвечающих жесткой управленческой логике, вряд ли уместны рассуждения о выборе методологии и, не побоюсь этого слова, философии проектирования будущего. Тем не менее считаю нужным заметить, что именно методология конструирования будущего в значительной степени предопределяет выбор целей, приоритетов, языка описания любого проекта.

По умолчанию в качестве методологии принимаются по сути две точки опоры:

- методология рассмотрения образования через призму концепций человеческого капитала, в которых люди – в основном «ресурсы», «средства», «кадры», «инструменты» решения государством экономических задач;

- «философия эффективности» (предлагаемая бизнес-сообществом философия обучения личности ключевым навыкам (компетенциям) XXI в., включая навык креативности).

Все другие общие методологии проектирования будущего, в том числе классические методологии моделирования устойчивого развития в контексте концепции мировой (системной) динамики Джея Форрестера, методология «третьей волны» Эльвина Тоффлера, футурология сингулярности Реймонда Курцвейла и, главное, философия нестабильности Ильи Пригожина, нередко остаются вне фокуса внимания при создании самых разных программ конструирования как образов образования, так и образов человека XXI в. Это особенно грустно, поскольку без философии нестабильности, выделившей основные тренды современности – вызовы неопределенности, сложности и разнообразия, без учета происходящей когнитивной революции, без анализа прогнозов и последствий четвертой промышленной революции – вряд ли возможно построить перспективные модели образования XXI в.

Однако не хочу обрывать обсуждение гонок за будущим на грустной ноте.

Наука, как бы ее ни травмировала архаичская идеология «бегства от свободы», ищет веер путей своего развития. Если в точных науках XX в. главным сим-

За последние десятилетия в России было осуществлено несколько масштабных попыток «реформирования образования сверху», без критической рефлексии которых любой новый управленческий проект прогнозирования будущего системы образования как потенциального ресурса позитивных сдвигов в экономической жизни страны имеет мало шансов на успех. В контексте образовательной политики сегодняшнего дня, мобилизации социальных сил на архаизацию, устремления на уровне некоторых представителей управленческих элит к закрытым моделям образования великой державы и т.п. риски восприятия новых проектов реформирования образования и проектов будущего резко возрастают.

волом познания был *Атом*, то в XXI в. ему на смену приходят символы *Мозг* и *Разум*, и на очереди – такие символы, как *Сознание* и *Человек, готовый к изменениям*. Впечатляюще выглядит картина финансирования исследований в области наук о мозге, нейрокогнитивных наук и нейротехнологий в первой декаде XXI в.:

- «Connectom» (2005–2015 гг., США, финансирование 100 млн долларов США);

- «Blue Brain» (2006 г., Швейцария, 100 млн евро);

- «Human Brain Project» (HBP) (2012–2022 гг., Еврокомиссия Евросоюза, финансирование 1 млрд 190 млн евро);

- «BRAIN Initiation» (2013 г., Правительство США, 2014–2024 гг., финансирование 3 млрд долларов США по 300 млн долларов в год);

- «Big Brain» (США, корпорация Microsoft, 60 млн долларов США);

- «Brainnetome» (2013 г., Китай, 200 млн юаней).

Без анализа этих исследований, без понимания причин, по которым сменилась цепь символов познания *Атом* – *Мозг* – *Разум* – *Сознание*... футуроло-

В самих сценариях «повестки действий», отвечающих жесткой управленческой логике, вряд ли уместны рассуждения о выборе методологии и философии проектирования будущего. Тем не менее именно методология конструирования будущего в значительной степени предопределяет выбор целей, приоритетов, языка описания любого проекта.

Если в точных науках XX в. главным символом познания был Атом, то в XXI в. ему на смену приходят символы Мозг и Разум, и на очереди – такие символы, как Сознание и Человек, готовый к изменениям.

гические прогнозы останутся в безвоздушном пространстве. ... «И вот наступило потом...»

Но я отношу себя к эволюционным оптимистам и поэтому завершу свое эссе фразой из публицистического философского памфлета Вольтера «Кандид, или Оптимизм»: «Все события неразрывно связаны в лучшем из возможных миров. Если бы вы не были изгнаны из прекрасного замка... если бы не были взяты инквизицией... – не есть бы вам сейчас ни лимонной корки в сахаре, ни фисташек.

– Это вы хорошо сказали, – отвечал Кандид, – *но надо возделывать наш сад*».

Так и нам, что бы ни происходило на ярмарке прогнозов и новой архаики будущего, надо возделывать наш сад – сад культуры Достоинства, сад современности для бесстрашного поколения сложных свободных людей, готовых к изменениям реальности, сад вариативного образования XXI в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмолов А.Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2015. Т. 8. № 40. URL: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1109-asmolov40.html>
2. Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
3. Кови С.Р. Семь навыков высокоэффективных людей: Мощные инструменты развития личности. М.: Альпина Паблишер, 2012.
4. Курцвейл Р. Эволюция разума. М.: Эксмо, 2015.
5. Ласло Э. Макросдвиг. К устойчивости мира курсом перемен. М.: Тайдекс Ко, 2004.
6. Фейдл Ч., Бялик М., Триллинг Б. Четырехмерное образование. М.: Сколково, 2016.
7. Харари Ю.Н. Sapiens. Краткая история человечества: Пер. с англ. М.: Синдбад, 2016.
8. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2017.
9. Harari Y.N. Homo Deus: A brief history of tomorrow. L.: Harvill Secker, 2016.